

Рыжий лев и голубая речка

Мудрость жить как живется

В галерее «Лютеция», что на бульваре Распай в Париже, я увидел картину. Объятый музыкой невидимых скрипок, с холста глядел синеглазый, румяный от солнечного мороза мальчик. Он стоял посреди веселой карнавальной зимы в летящей над головой наполеоновской треуголке, с цветами, прижатыми к груди, с зачарованным взглядом... Под картиной стояло имя художника — Джавид.

Я вспомнил маленького седого лезгина, живущего в полуподвале Москворечья, в крошечной каморке, заставленной ослепительными холстами. Спящего на откидной доске. На ней же, убрав постель, он разводит по углам свои краски. Казалось, у этого человека, кроме холстов, кистей и красок, ничего больше нет. Но, присмотревшись, отметил чистоту и опрятность бедного жилища, свежие полевые цветы в кувшине, узнал вазочку (спутницу его фруктовых настурмортов), в которой и сейчас посвечивали яблочки... Джавид Агамираев поставил на старенький проигрыватель Чайковского и начал показывать картины.

На прозрачных холстах (дергавших краски) столь же прозрачным рыбьим kleem) струился свет, в котором жили, переливаясь, умытые росой цветы, клубились деревья, шелестела листва. То был мир, рожденный ощущением вечности и непреходящей любви. Опомнившись, я поймал себя на том, что хотел бы знать — где он видел такие сады.

— Мне кажется, я в них родился, — отвечал художник. — Это ощущение и возникает на полотне. Кубисты считали, что внешний мир — это квадрат, и остается таким до тех пор, пока в него не входит круг — душа человека. Я не изображаю, а выражаю.

Лучезарность его картин является поразительный контраст с судьбой.

— У меня никогда не было своего дома, — тихо говорит он. — Вся моя жизнь — сплошные бега. Спросишь: куда я бегу? Наверное, к самому себе. В свое одиночество.

Ему не было и года, когда началась война. Отец ушел на фронт и не вернулся. Мать, что-

Общая газета.
— 2001 — Декр.
— с. 14

Автопортрет

бы накормить семерых, продала дом за мешок муки. А вскоре тоже умерла. Детей разобрали родственники. Джавида увезла тетка — вместе с огромным кованым сундуком. С тех пор, куда бы ни забрасывала судьба, Джавиду грезился тот сказочный сундук, под узорчатой крышкой которого таились несметные сокровища.

В сиротском доме под родным горным аулом Капир Джавид рисовал свои детские сны — на списанных простынях, которые грунтовал столярным kleem. Масляные краски ему привезла из Москвы юная учительница — ангел, залетевший в их глухие места, с солнечными косами и синими глазами. Такой ее запомнил Джавид и, спустя годы, на-

пишет «Девушку с яблоками».

Сельские женщины несли мальчику домашние kleenki, на которых, по образу и подобию восточной старины, он писал пейзажи с голубыми речками, вечно зелеными кипарисами и могучими рыжими львами. На «горные простыни» детдомовского вундеркинда приезжали взглянуть аж из Дербента. Один чиновник, случайно заехавший в детский дом, увез его с собой в Махачкалу, в республиканскую изостудию.

И все же остается загадкой: как мог решиться тихий, робкий подросток, не умевший, по сути, говорить по-русски, впервые в жизни увидевший поезд, — вдруг сесть в этот поезд и рвануть в Москву! Адрес загадочного ТХТУ (единственного в стране театрального художественно-технического училища) мальчику дали в махачкалинском театре, где он подрабатывал у декораторов. Удивительно и то, как его взяли в училище, куда, за отсутвием общежития, не принимали иногородних. Но еще более замечательно, что сам директор ТХТУ договорился с учебным театром ГИТИСа, что Джавида возьмут туда пожарником и выделят за кулисами уголок. Так и прожил тут чуть не двадцать лет — в пожарниках и бутафорах. Потом уехал в Дербентский театр. Но вернулся в Москву. Только уже не в театр. Отныне его «сценой» стал кусок холста.

В перестройку сотни московских художников устремились

на престижные коммерческие выставки, в модную живопись. А тихий маленький лезгин остался в своем мире, со своими образами, с раз и навсегда избранным «чистым цветом». «Я не смешиваю краски, пишу чистым цветом, чтобы выразить радость, внутреннее ликование, свой Дух». Откуда эта радость? В шестьдесят лет комнатушка в фактически нежилой мастерской МОСХа. Откуда это «внутреннее ликование»? На склоне лет известен лишь в узком элитном кругу. Откуда, наконец, этот «свой Дух»?..

Вернувшись из Парижа, я сообщил Джавиду:

— Видел твоего Наполеона в галерее «Лютеция».

Он радостно удивился:

— Значит, жив!

Между тем «Мальчик с карнавала» — лишь одна из двух десятков картин, взятых у Джавида некоторыми «менеджерами». С тех пор от них ни слуху ни духу.

В галерее «На Песчаной», когда-то приютившей и открывшей Москве ныне знаменитую Катю Медведеву (и других удивительных художников), я купил одну из последних картин Джавида — «Девушку с яблоками»: легкое кружение золотистой соломенной шляпки вокруг веснушчатых щек... Прозрачный холст струился светом, звучал, пульсировал.

Я знаю дом, где Джавид написал этот портрет. Знаю девушку, которая, сидя перед художником, катит по столу большое прохладное яблоко. Но, вглядываясь в образ на холсте, представляю другую — ту, что в сиротском доме под Капиром подарила художнику первые в его жизни краски.

Джавид навещает родной аул. Заходит в дома, где на стенах висят его «kleenki»: на них растут библейские деревья, пасутся благородные олени, в лодках, в окружении лебедей, плывут влюбленные... Отцовский сад, выращенный на камнях, неухожен со временем войны, совсем зарос, но кажется еще прекраснее. Джавид пишет его дни напролет. Старые горцы, наблюдая за работой художника, качают головами: «Вот ведь, так ничему и не научился. Столько лет прожил, а все рисует».

Подсолнух

Леонид ЛЕРНЕР